

ПАВЕЛ ВИНОГРАДОВ

ЗАТЕРЯННЫЙ В СЕРЕБРЯНОМ МОРЕ

Дарья Тоцкая “Море Микоша”. Москва, “Де`Либри”, 2020. Журнальная версия: “Москва”, № 12, 2019.

Жан Кокто определял цикл Марселя Пруста “В поисках утраченного времени” как “роман-река”. Не дерзая равняться с классиками, я всё же назвал бы книгу Дарьи Тоцкой “роман-море”. Собственно, так он и называется. Причём слово “море” тут имеет множество значений. Это море жизни, в котором плывёт, куда ныряет и где порой тонет главный герой. Это море человеческого сознания, чувств и эмоций – любви, вины, страдания, страха, надежды – состояний, которые герой проходит на протяжении повествования. Это море – мир: не только затерянное в Карпатах село, старинный Ужгород – Унгвар, далёкий берег турецкий, где герой оказывается в финале, но и все горы, города и моря под вечными звёздами.

И ещё это культурное море и море коллективного бессознательного, архетипов – мифов, традиций, обычаев народа гуцулов, их Серебряных гор. Архетипов порой тёмных, даже пугающих, но ведь зиждутся они на древнейших культурных пластах, уходящих во времена незапамятные. Приходит осознание, что всякие мольфары и чугайстеры – не попсовая экзотика для скачущей публики, а манифестации хтонической бездны.

Вообще, по множеству этнических реалий, местных слов и выражений книгу можно было бы назвать “Малой гуцульской энциклопедией”. Это очень интересно для интересующихся этнографией читателей, но, к сожалению, часто затрудняет чтение незнакомыми словами и необходимостью отправляться за их объяснением к примечаниям.

Но речь не только о гуцулах: на страницах романа возникают тени мифологем множества народов и цивилизаций, сгинувших в пучине веков. Обще-человеческие образы Великой Матери и сакрального кузнеца, библейские – Змий и плоды познания в райском саду, апокалиптические Конь блед и Жена, облачённая в солнце. Даже древняя богиня-корова Хатхор-Иштар или индейские бесы-союзники, введённые в общечеловеческий культурный оборот Карлосом Кастанедой.

ВИНОГРАДОВ Павел — писатель, публицист, литературный критик. Родился в сибирском Красноярске. Рассказы и повести публиковались в сборниках издательств “Меридиан”, “Аэлита”, “Шико-Севастополь”, “Снежный Ком М”, “Скол” и др. Лауреат Корниловской премии 2018 года. С 1995 года живёт и работает в Санкт-Петербурге.

“Море Микоша” – это и море текста, глубокого и обильного, по которому неторопливо плывет корабль читательского восприятия. Правда, иной раз он попадает в опасные водовороты или заплывает в глухие мрачные бухты, но потом вновь уносится течением словес в просторы авторской фантазии. Читатель, словно чётки, неторопливо перебирает бусины удивительных, подчас нелепых, местами отталкивающих, но всегда исполненных скрытого смысла историй, переданных языком напевным и слегка потусторонним – словом призрачный голос поёт на неведомом языке в тёмном пустом храме.

“И обратилось полотнище белым конём, что переступал псовыми лапами, не вязнувшими в топях. В гриве колосились злые травы и редкие бутоны белены, а лицо (лицо коня), почти человеческое, – светилось чёртовой лампадой и отчего-то напоминало старика, задушенного в постели собственными безрадостными думами; глаза изначально были прикрыты, но когда чудische широко открыло их, то в небе разом взошло на две луны больше, чем обычно”.

Порой трудно продираться сквозь излишне усложнённые и велеречивые, хотя иногда потрясающе сочные и точные, а иногда пронзительно поэтические словесные конструкции. Но читателя раз за разом ждёт награда за его труды – ощущение прикосновения к оригинальной прозе.

“Он зашёл и осел с тем видом, с каким на последнем слоге одновременно задувают свечу и выдыхают молитву”.

“Сами собой на деревьях червивели яблоки, опадая в садах мерным стуком невызревших надежд”.

Часто хочется остановиться и внимательно изучать такие фразы, словно изящную резную вещицу, удивляясь прихотливым узорам.

Что же касается жанра “Моря Микоша”, определить его точно трудно. Это и магический реализм, и интеллектуальный хоррор, и роман взросления, и роман-путешествие, и историческая повесть. Читая его, невольно вспоминаешь самые разные литературные явления – от тёмных видений Гоголя до мрачной эпичности Маркеса и изломанного хаоса Алена Роб-Грийе. При этом суть произведения Тоцкой идеально укладывается в мифологическую канву, раскрытую ещё Джозефом Кэмпбеллом, – поиски отца и всё, что к этому прикладывается.

Вообще, кажется, что автор, подобно Джойсу, ставил целью создать некий современный эпос, включив в него сюжеты и персонажей древней мифологии. Задача грандиозная, трудновыполнимая. Потому, наверное, местами нагромождение смыслов вредит повествованию, затмевает сюжет, и так не слишком чётко намеченный. Многие вплетённые в повествование события являются даже не его частью, а некими символическими актами, призванными выявить авторскую сверхидею.

Надеюсь, в последующих произведениях автор избегнет соблазна охватить не охватываемое под одной обложкой, не станет пытаться выплеснуть на страницы одной книги весь свой внутренний мир.

Но всё же главный герой – Микош Ракоци – не просто идея или фольклорная функция. Он типичный байронический герой, со своей драматичной историей, тёмными воспоминаниями и чёрным альтер-эго именем Ниц. Причём помещён герой во времена, близкие к жизни самого Байрона и уж во всяком случае в те, когда такой типаж имел наибольшую популярность в литературе. Однако на деле Микош на сто процентов персонаж литературы современной, его суть “печального демона” укутана множеством слоёв причудливых смыслов – модернистских, постмодернистских и даже пост-постмодернистских.

И странство, в котором он существует и действует, не менее сложно и странно. Его родное село Глыбоке (морское дно?) – своеобразный карпатский Твин Пикс, где простые добрые люди сплошь и рядом оказываются вовсе не простыми и не добрыми, где рядом с однообразной жизнью грешных людей, на совершенно равноправной основе существует мир нави, и стоит выйти из родной гражды в горный лес, как оказываться в жутковатом мире оживших легенд и мифов. Где по праздникам деревню посещают двусмысленные святые, а потусторонние существа приходят на службу в храм. Где герой спокойно является на страшный пир мертвецов и доверительно беседует там с покойной бабушкой. Где словно неведомая сила переносит его то в волшебный лес, то в зачарованный сад, то на мрачную ритуальную гагаузскую свадьбу, то в славный град Унгвар, откуда он, подобно гоголевскому Вакуле или булгаковской Маргарите, посредством нечистой силы уносится по небесам на “сырном конике” в своё трагическое прошлое.

Ибо со временем в романе Тоцкой происходят те же удивительные вещи, что и с пространством — оно свободно перетекает из зона в эон, повторяются одни и те же события, показанные с разных точек зрения. И кажется, что отсылки эти возникают не в памяти героя, а что он сам перемещается во времени. Начинаешь подозревать, что события романа вообще происходят одновременно, а это заставляет вспомнить о библейском начале и конце времён, авестийском Зерване и прочих концепциях пространства-времени, вплоть до Эйнштейна. Но это уже материал для более масштабного исследования, чем краткая рецензия.

И что же символизирует это невероятно сложное, пёстрое, хаотичное море смыслов?.. Мне кажется, автор отвечает на этот вопрос в самом начале:

“А Бог — это море. Вот оно раскинулось, переменчивое, вчера ещё тёплое, а сегодня — студёное. Будто руки женщины, сошедшей в зимний погреб, занавешенный кольшущимся волнами тканым пологом, а за ним покоится почти мёртвое, застывшее в каком-то безнадежном ожидании квашное и посолы, и всё это ждёт извечно одного дня в году — Великóдня, и часа, когда всё воскреснет, все грехи будут прощены, и каждый любим будет всеми и ни за что”.

Но не были ли странствия героя пустыми мечтаниями, аспектом мировой иллюзии, подобно прустовской погоне за временем? “Любой путь ложный, который не ведёт к мечте”, — сказано в романе, но ведь говорит это змий, незримо сидящий верхом на Микоше. И некая сила не допустила его в собор в Унгваре — словно нераскаянную Марию Египетскую...

Тем не менее, к концу романа и своей жизни герой испытал катарсис, поиски отца завершились, и оказалось, что это был путь к самому себе. Конечно, случилось это смутно и трагично, как и всё в “Море Микоша”. Но мне кажется, что надежда, ведшая героя с самого начала, не покинула его и в конце.